

А. И. Савин

СТАЛИНСКИЕ ГЕРОИ В ЗЕРКАЛЕ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ 1930-х гг.

doi: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-101-108

УДК 94(470)“1930”:930(470)

ББК 63.2(2)

В статье анализируется потенциал эго-документов 1930-х гг. в целях изучения таких тем, как героизация советской повседневности и создание пантеона сталинских героев. Под героем здесь подразумевается институциональный герой, получивший свой статус в результате государственного акта награждения. На основании дневников и «писем во власть» реконструируется самовосприятие советских «героических» элит, а также их восприятие современниками. Автор приходит к выводу, что эго-документы являются уникальным источником, позволяющим, в отличие от традиционных документов, наиболее глубоко исследовать такие ракурсы проблематики советского героизма, как специфическая идентичность сталинских героев, механизмы складывания советских элитарных групп и культов личностей отдельных героев, иерархизация общества и воспроизводство социального неравенства как следствия близости орденосцев к власти. Кроме того, эго-документы позволяют наиболее аутентично охарактеризовать практики публичной репрезентации и прославления сталинских героев. В заключении статьи автор приходит к выводу, что советское общество весьма неоднозначно воспринимало процессы героизации повседневности и возникновение плеяды сталинских героев. Та часть общества, которая сделала свой выбор в пользу активного приспособления к сталинской системе, демонстрировала восторженное отношение к концепту советского героизма. В свою очередь, критически настроенные современники сумели разглядеть в политике создания героев эффективные стратегии и практики манипуляции обществом, мощный рычаг социальной дифференциации и иерархизации, а также инструмент выработки специфической советской коллективной идентичности.

Ключевые слова: *герои, героизм, СССР, восприятие, идентичность, эго-документы, дневники*

Сталинская революция сверху с особой остротой поставила для власти вопрос об эффективных внеэкономических механизмах мобилизации социума. Большевики не испытывали недостатка в опыте репрессивного принуждения к труду. Теперь им оставалось научиться умело задействовать моральные стимулы, в первую очередь героический культ отдельных личностей. С этой задачей Сталин и его команда успешно справились: именно в 1930-е гг. сформировался архетип советского героя, тогда же были заданы эталонные образцы героического поведения, а Советский Союз превратился в «страну героев».

Однако, несмотря на всю важность темы героев и героизма для адекватной интерпретации советского проекта, она практически не изучалась. Всю огромную массу литературы, опубликованной о героях и героизме в СССР, можно разделить на две основные группы. В первой доминировал преимущественно фалеристический подход, когда научно-популярные исследования посвящались истории советских наград. Вторая группа включала в себя

тысячи наименований книг, посвященных советским героям, выдающимся военным, политическим и общественным деятелям, подвигам воинских частей и соединений. Подавляющее большинство такого рода книг было написано в агиографическом ключе и сегодня морально устарело.

Совершенно другой подход к изучению советского героизма продемонстрировала новейшая историография, как зарубежная, так и отечественная. Среди работ западных историков следует выделить публикации Р. Сарторти, Д. Бранденбергера, Г. Гюнтхера, К. Келли, среди российских — О. Ю. Никоновой. Так, Д. Бранденбергеру принадлежит приоритет в исследовании генезиса героического культа в СССР в довоенные годы. Как известно, советский героизм зарождался как отрицание индивидуального героизма. Д. Бранденбергер исследовал процесс перехода от концепта массового героизма к герою-индивиду главным образом на примере коллизий в советской литературе и кинематографе, а также формирования культа личности И. В. Сталина.¹ Р. Сарторти уделила главное внимание механизмам

Савин Андрей Иванович — к.и.н., с.н.с., Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: a_savin_2004@mail.ru

¹ См.: Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017.

визуальной репрезентации героев в советской прессе.² Г. Гюнтхер показал, как под влиянием творчества М. Горького формировался миф о советских героях как о «новых людях».³ К. Келли на примере Павлика Морозова продемонстрировала механизмы создания культа героев в СССР.⁴ В статьях и монографии, посвященных военно-патриотическому воспитанию советской молодежи как технологии социальной мобилизации, О. Ю. Никонова исследовала официальный советский патриотический дискурс и сделала важный вывод о том, что патриотический этос молодежи базировался на культе героев, тесно переплетенном с технократическим символизмом и милитантностью.⁵ Результаты, достигнутые новейшей историографией, открывают новые ракурсы и перспективы изучения советского героизма.

Настоящая статья является составной частью научно-исследовательского проекта автора, нацеленного на комплексное изучение советского героизма как идеологического концепта, а также феномена советских героев. Исследователи неоднократно отмечали эклектичность и смысловую неустойчивость термина «герой», в том числе в русскоязычном дискурсе. Поэтому необходимо уточнить, что в данном случае речь идет об институциональных героях, создание которых осуществлялось в результате официального акта государства — награждения орденом или медалью СССР. За награждением практически автоматически следовал ряд манипуляций в публичной сфере, которые Г. Мюнклер назвал «нарративно-литературным удвоением» героя.⁶ Речь здесь идет о роли средств массовой информации, в первую очередь газет, радио и кинематографа, в канонизации героев и трансформации истории в мифологию, без чего немислимо воз-

никновение героического культа. Если же говорить об исследуемых типах героев, то можно выделить следующие крупные группы: герои труда, герои войны и вожди как герои.

Традиционные документальные источники, прежде всего документы партийно-советских органов власти (во главе с Политбюро ЦК РКП(б) — ЦК КПСС), непосредственно отвечавших за выработку и осуществление политики героизации советского социума, позволяют ответить на целый ряд ключевых вопросов, а именно как протекал генезис героизации советского общества, каким образом государство использовало феномен героизма и в чем заключалась специфика советского героизма. Однако в ходе исследования стало очевидно, что архивные источники оставляют за бортом целый круг вопросов, связанных с идентичностью сталинских героев, их самовосприятием и восприятием со стороны. Речь также идет о практиках публичной репрезентации героев и об интимном отношении современников к созданию «героических» культов, складыванию советских элитарных групп и воспроизводству социального неравенства.

Все эти проблемы автор попытался осветить на основании комплекса эго-документов, в первую очередь дневников современников, наиболее полная компиляция которых осуществлена под руководством М. Мельниченко в рамках интернет-проекта «Прожито».⁷ Большинство источников, цитируемых в статье, было выявлено сначала в электронном виде на портале проекта. Возможность полнотекстового поиска позволила задействовать весь массив опубликованных дневников 1930-х гг. Автор счел возможным минимизировать здесь методологическую часть, связанную с критикой использованных источников, тем более что анализ некоторых видов документов личного происхождения был им уже осуществлен.⁸ Тем не менее следует отметить, что все использованные в статье дневниковые записи, в том числе записи представителей советских элит, рассматриваются как аутентичные. Иначе говоря, автор не выявил в них следов

² См.: Sartorti R. Pressefotografie und Industrialisierung in der Sowjetunion: Die Pravda 1925–1933. Berlin, 1981; Idem. Helden des Sozialismus in der Sowjetunion. Zur Einführung // Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR. Berlin, 2002. S. 35–44.

³ См.: Günther H. Der sozialistische Übermensch. M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart, 1993.

⁴ См.: Келли К. Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. М., 2009.

⁵ См.: Никонова О. Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения Урала в 1930-е годы. М., 2010; Она же. Комсомол, ГТО и военно-патриотическое воспитание молодежи в конце 1920-х–1930-е годы (на примере Уральского региона) // Российская молодежь: от комсомола к современным формам политической организации: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2018. С. 55–64.

⁶ См.: Münkler H. Heroische und postheroische Gesellschaften // Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken. 2007. Bd. 61. H. 8/9. S. 742–752.

⁷ См.: Личные истории в электронном комплексе дневников. URL: <https://prozhitto.org/> (дата обращения: 12.03.2020).

⁸ См.: Савин А. И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советского населения (1930-е гг.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 8: История. С. 133–145; Савин А. И., Тепляков А. Г., Юнге М. «Письма во власть» как составная часть материалов судебных процессов над «нарушителями социалистической законности» (1939–1941 гг.) // Эхо Большого террора: сб. документов в 3 т. М., 2018. Т. 3. С. 7–28.

нарочитого конструирования текста, предназначенного для стороннего читателя в случае проверки, ареста и т. д.

Самовосприятие советских героев

Н. Я. Сац, театральная деятельница и жена наркомана внутренней торговли СССР И. Я. Вейцера, так вспоминала о своем муже: «Вейцер больше всего на свете ценил и берег доверие партии. Когда он уезжал по делам за рубеж и оставлял мне ключи от несгораемого шкафа, между нами неизменно происходил один и тот же разговор. — “Я тебе все оставляю”. — “А что у тебя есть?” Взгляд строгий и удивленный. — “Партийный билет и ордена”».⁹

Это приравнивание партийного билета к орденам одним из видных представителей сталинских элит свидетельствует о высокой символической ценности, которую приобрели во второй половине 1930-х гг. советские награды. Орденосцы ощущали себя кланом людей, избранных и отмеченных властью и наделенных особыми качествами. Небольшое письмо инженера-«краснознаменца» Ф. Ю. Малера секретарю ЦИК СССР И. А. Акулову, в котором автор высказывал в августе 1935 г. идею создания «общества советских орденосцев», можно интерпретировать как свидетельство складывания новой элитарной группы, которая к середине 1930-х гг. уже совершенно ясно осознавала себя в этом качестве. Именно орденосцы в первую очередь идентифицировали себя с «новым советским человеком». Кроме того, они хорошо осознавали свою роль «передового отряда» партии.¹⁰

Классическое восторженное восприятие награды и, как следствие, вхождения в касту орденосцев в качестве высшего пункта жизни неоднократно зафиксировано в эго-документах советских элит. Иногда эмоциональное потрясение было настолько сильным, что человеческий организм начинал давать сбой. Одна из современниц записала в дневнике, как отреагировал в 1937 г. на свое награждение орденом Трудового Красного Знамени актер МХАТ Б. Г. Добронравов: «...на вопрос, как он переживает титул народного артиста и орден, ответил: “Тошнит. И даже рвота была. Не выдержал организм: что-то мозговое начинается”».¹¹

В целом же подавляющее большинство новоиспеченных орденосцев вполне искренне описывало свои чувства как феерический праздник, чудесный сон, состояние катарсиса.

Полномочный представитель СССР в Швеции А. М. Коллонтай узнала о своем награждении 9 марта 1933 г. Ее восприятие награды можно считать эталонным для «истинно верующих»¹² советских людей: «Вчера неожиданная огромная радость. Я награждена орденом Ленина <...> Пережила это с волнением счастья и казалось почти невероятно, что это награждение — факт <...> Я и сейчас еще как в тумане».¹³

Аналогичную палитру чувств продемонстрировали в июне 1937 г. папанинцы. У И. Д. Папанина потекли от радости слезы после того, как радист Э. Т. Кренкель передал ему «сильно взволновавшую <...> новость: правительство присвоило <...> звание Героя Советского Союза». Остальные папанинцы были награждены орденом Ленина, после чего был открыт боценок с коньяком: «Мы расцеловались, поздравили друг друга и дали клятву, не жалея сил, до последней минуты работать и работать, как можно больше, чтобы оправдать оказанное нам доверие».¹⁴ Кренкель в своем дневнике использовал такой же нарратив, как и Папанин: «Радости нет конца <...> Надо работать зверски, чтобы оправдать награду».¹⁵ В декабре 1937 г. Кренкель с гордостью пошутил, что динамомашину на льдине, от которой запитывалась его радиостанция, обслуживала команда, состоящая из «трех депутатов советского парламента, обладателей шести орденов».¹⁶

Юная поэтесса М. И. Алигер, награжденная в феврале 1939 г. орденом «Знак Почета», откликнулась на известие о своем награждении стихотворением, пусть небезупречным с точки зрения стиля, но адекватно отражавшим ее состояние: «Ясна торжественная тишь. / Вручают мне орден — крылья! / — Лети! Мы верим — долетишь! / Лети по снежному маршруту / Среди проверенных друзей, / Готовых каждую минуту / К труду, тревоге и грозе... / Вперед, готовые

⁹ Сац Н. Я. Жизнь — явление полосатое. М., 1991. С. 272.

¹⁰ Более подробно о проекте Ф. Малера см.: Савин А. И. «Ордена и отличия нам нужны...». Роль наград в формировании советской идентичности // Россия XXI. 2015. № 5. С. 28–37.

¹¹ Малахеева-Мирович В. Г. Маятник жизни моей: дневник русской женщины 1930–1954. М., 2016. С. 281. Запись от 28–29 апреля 1937 г.

¹² True believers («истинно верующие») — так Хироаки Курома назвал актеров, которые искренне идентифицировали себя с ценностями «советского проекта».

¹³ Коллонтай А. М. Дипломатические дневники: в 2 т. / пред. и прим. М. М. Мухамеджанова. М., 2001. Т. 2. С. 153. Запись от 9 марта 1933 г.

¹⁴ Папанин И. Д. Жизнь на льдине: дневник. М., 1972. С. 56. Запись от 28 июня 1937 г.

¹⁵ Четыре товарища. [Девять месяцев на дрейфующей станции «Северный полюс»]: дневник / Э. Т. Кренкель. М.; Л., 1940. С. 58. Запись от 28 июня 1937 г.

¹⁶ Там же. С. 179. Запись от 21 декабря 1937 г.

к полету! / Вперед! В любимую работу! / Стихи крылатые слагать! / Так награжденному пилоту, / Наверно, хочется летать».¹⁷

Дневниковые записи поэтессы свидетельствуют о настоящей эйфории, ее запредельный накал эмоций передан в лучших традициях советского новояза. Уже после вручения награды в Кремле М. И. Алигер так описала свои ощущения: «Девять дней не писала. Могла ли писать, когда только вчера я очнулась, как после какого-то затянувшегося чудесного сна. Но это не сон. “Знак Почета” всего народа нашей родины крепко ввинчен в мое сердце, в мою душу»¹⁸. Чем ближе к концу записи, тем больше у Алигер пропадает всякая дневниковая интимность, все завершается клятвой в верности партии.

Восторженное отношение к орденам не должно удивлять, учитывая потрясающую силу социального подкупа, воплощенного в факте награждения. Лучшим примером здесь является писатель М. М. Пришвин. Несмотря на всю его острую критику советской политики героизации и крайне невысокое мнение о личностных качествах сталинских героев, сквозь строки его дневника прорывается обида на то, что люди менее талантливые и трудолюбивые, чем он, получают ордена. Когда же его самого в феврале 1939 г. наконец-то наградили орденом «Знак Почета», Пришвин сначала переживал, что, презирая власть, он тем не менее ищет внимания с ее стороны. Но уже вскоре Пришвин воспринял свою награду как вполне заслуженную. В этом его сначала убедили письма читателей: «Я наконец убедился, что в народе у меня есть настоящий читатель, которому действительно приятно увидеть меня орденоносцем». В итоге Пришвин, как и подавляющее большинство награжденных, также признался в любви к своему ордену, хоть и не так высокопарно: «Так мало-помалу я пришел в себя, стал любить свой орден, носить его, пользоваться им на трамваях, в очередях, даже немного гордиться».¹⁹

Критическое восприятие политики создания героев

Что касается критического восприятия награды и политики героизации советского соци-

ума в целом, то в эго-документах представлен целый набор рефлексий. Среди самих орденоносцев практически не было людей, критически относившихся к факту своего награждения. Нам удалось обнаружить только одно свидетельство такого рода. Советский литературовед К. Л. Зелинский записал в дневнике 12 января 1933 г.: «Я хотел даже отказаться от ордена Красного Знамени, который мне дали. Получился громадный разрыв между уровнем жизни большинства народа и обеспеченной верхушки инженеров, писателей, директоров, крупных управителей... когда кругом форменный голод».²⁰ Но и в данном случае все осталось на уровне внутреннего морального конфликта, Зеленский от награды не отказался.

У ряда современников критическое отношение вызывали повторные награждения элит, особенно пока процесс официальных героев только развивался. Экономист А. Г. Соловьев так оценил 23 февраля 1930 г. награждения вождей, приуроченные к 12-й годовщине Красной армии: «Награждены вторым орденом Красного Знамени т. Сталин и Калинин и четвертым — т. Ворошилов. Непонятно, зачем это делается? Рабочие говорят: высшая власть сама себя награждает и награждает повторно задним числом, [через] десять лет после окончания гражданской войны. Неужели непонятно, что это очень нескромно?»²¹

Переводчица и художница Л. В. Шапорина, автор знаменитого дневника, резко отреагировала на складывание в СССР культа личности Максима Горького в ходе его чествования в 1932 г. в связи с возвращением на родину: «Горький, Горького, Горькому, Горьким, о Горьком. Орден почетного легиона, т. е. Ленина, шум, гам, юбилей. А мне жалко, что Горький так бесславно кончает жизнь. Официальная слава, правительственные деньги и телеграммы, а всякий порядочный человек, называя его, “выражается”».²²

Не ускользнули от внимания современников и иерархизация общества за счет наград, складывание самой настоящей касты, состоявшей

²⁰ «...Наша деревня опустошена до последнего семенного зернышка». Из дневников литературного критика К. Л. Зелинского и информационных сводок ОГПУ о голоде в СССР. 1933 г. / публ. З. К. Водопьяновой и В. В. Кондрашина // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 87–95.

²¹ Соловьев А. Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) / публ. подгот. Н. Зелов, С. Вакунов, Н. Тесемникова // Неизвестная Россия. XX век: архивы, письма, мемуары. М., 1993. Вып. 4. С. 140–228.

²² Шапорина Л. В. Дневник: в 2 т. / вступ. ст. В. Н. Сажина, подг. текста, комм. В. Ф. Петровой, В. Н. Сажина. М., 2011. Т. 1. С. 122. Запись от 27 сентября 1932 г.

¹⁷ Громова Н. А. Узел. Поэты: Дружбы и разрывы (из литературного быта конца 20–30-х гг.). М., 2006. С. 576. Запись из дневника М. Алигер от 2 февраля 1939 г.

¹⁸ Там же. С. 572. Запись из дневника М. Алигер от 9 февраля 1939 г.

¹⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. СПб, 2010. С. 288.

из официально признанных героев и членов их семей, а также воспроизводство социального неравенства как следствие близости орденосцев к власти. Поэтесса и переводчица В. Г. Малахьева-Мирович имела возможность исследовать эту проблему «на дому»: около 20 лет она была компаньонкой звезды МХАТ актрисы А. К. Тарасовой. Вознесение Тарасовой на вершины героического олимпа началось после ее награждения весной 1937 г. орденом Трудового Красного Знамени. Малахьева-Мирович записала в дневнике 28 апреля 1937 г.: «Слава подхватила Аллочку как шторм... Телеграммы, телефоны, хвалебные письма, хвалебные статьи в газетах и цветы, цветы, цветы. Звание Народной артистки СССР. Орден Трудового Красного Знамени».²³

Спустя год после первого награждения Тарасовой Малахьева-Мирович с горечью констатировала, насколько жизнь орденосной элиты отличается от жизни простых людей. Как выяснилось, кроме славы и цветов в семью Тарасовой пришли немалые деньги и удобства, в том числе в виде автомобиля. Горькие мысли о резком социальном неравенстве были вызваны у Малахьевой-Мирович поездкой на дачу на персональной машине: «<...> давно я не испытывала такого отвратительного самочувствия, как третьего дня, когда ехала в авто на дачу. У Павшина босые ребятишки, заморыши, бежали за нами с венниками черемухи — “Купите! Купите! 30 копеек!” <...> Автомобиль, дача-поместье <...> О да, все это нужно для эстрады, для престижа “народной” артистки с двумя орденами. Нужно. Отчего же так смущается и почти уstraшается дух мой».²⁴

Немногим позднее Малахьева-Мирович сделала важное обобщение, в котором употребила ключевой термин «каста» и назвала факторы ее формирования на советской почве: «Нисходящая линия новых “знатных” людей — дети артистов, профессоров, крупных ответственных работников, стахановцев, попавших в газеты, и т. д. — стремятся обособиться, выделиться в касту, не смешивающуюся с массой <...> Но характерно, что и в социалистическом обществе не умирает боярское местничество».²⁵

К таким же выводам пришел доктор медицины, профессор Л. П. Николаев, подробно разобравший в своем дневнике в январе 1937 г.

такое «исключительно интересное явление», как «появление и быстрое развитие новой советской буржуазии». Быстрее всего, считал Николаев, старые порядки возвратились в армию: «Погоны, исчезнувшие на плечах, переместились на предплечья и на воротник. Воскресли под новыми названиями ордена». С армии чиновничество, по версии Николаева, перекинулось на общество: «Как в буржуазных странах, так и в СССР все эти чины, все эти ордена, все эти знаки отличия рассчитаны на мелкое тщеславие, присущее большинству людей».²⁶

Дифференциация и иерархизация социума в результате получения высоких орденов вызывали зависть лиц, обойденных наградой. Элиты начинали интриговать, чтобы получить отличие, «причитающееся» им по статусу или возрасту. Дневниковые записи свидетельствуют, что элиты и власть взаимно приучили друг друга производить награждения, связанные с юбилеями как потенциальных орденосцев, так и возглавляемых ими учреждений. Иногда ожидания не оправдывались. Так, Е. С. Булгакова описала, насколько разочарован был В. И. Немирович-Данченко, которому в феврале 1936 г. не дали ордена в связи с юбилеем МХАТ.²⁷ В свою очередь, академик В. И. Вернадский записал в дневник историю о том, как председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР П. М. Керженцев (Лебедев) до последнего ждал постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о награждении его орденом и машиной в связи с 55-летним юбилеем, в отчаянии задержал на два часа праздничный банкет, но награды так и не получил.²⁸ Обделенные наградой элиты делали все, чтобы ее получить. Народная молва насмешливо окрестила таких людей «орденоспросцами». Журналист Д. Т. Хренков записал в дневнике 12 января 1940 г.: «Понаехало писателей в редакцию — уйма. Все они в большинстве орденоспросцы».²⁹

Специфический критический ракурс восприятия героизма демонстрирует запись из дневника М. А. Сванидзе, родственницы Сталина. Посылком для нее, как и для многих других критиков, послужил резкий контраст

²³ Малахьева-Мирович В. Г. Маятник жизни моей... С. 280. Запись от 28–29 апреля 1937 г.

²⁴ Там же. С. 337, 338. Запись от 23 мая 1938 г.

²⁵ Там же. С. 349. Запись от 7 августа 1938 г.

²⁶ Николаев Л. П. Во власти фанатиков: дневник советского профессора / публ. С. Курганова. URL: <https://prozhitto.org/note/36680> (дата обращения: 15.04.2020). Запись от 12 января 1937 г.

²⁷ Дневник Елены Булгаковой / сост. В. Лосев, Л. Яновская. М., 1990. С. 114. Запись от 22 февраля 1936 г.

²⁸ См.: Вернадский В. И. Дневники 1935–1941: в 2-х кн. М., 2006. Кн. 1. 1935–1938. С. 88. Запись от 21 июня 1936 г.

²⁹ Хренков Д. Советско-финская война. Из записных книжек // Нева. 2017. № 7. С. 202–214. Запись от 12 января 1940 г.

между геройским нарративом советских СМИ и тяжелой действительностью. 20 ноября 1936 г. она написала: «Где стахановское движение, где Виноградовы и пр., и т. п. За что ордена, почему цены взлетели на 100 %, почему ничего нельзя достать в магазинах, где хлопок, лен и шерсть, за перевыполнение плана которых раздавали ордена?»³⁰ Как правоверная большевичка, М. А. Сванидзе объявила все дефициты результатом подрывной деятельности «вредителей».

Важно отметить, что современники достаточно легко просчитали манипулятивный потенциал героизации, в первую очередь на примере стахановского движения. «Сменовец» Н. В. Устрялов, вернувшийся в СССР, с восторгом расценивал стахановское движение как крайне успешную стратегию манипуляции обществом. 16 ноября 1935 г. он так охарактеризовал Первое совещание стахановцев в Москве: «...мастерски разрабатывается масса, Сталин снимается с Дунями, Пелагеями, зовет их героинями, дает им ордена — и новый допинг налицо».³¹ 4 декабря 1935 г. Устрялов вновь возвратился к теме стахановцев: «Съезд стахановцев. Съезд комбайнеров. Люди зажжены, люди горят. Люди заряжены, заряжены. Заворожены... Рукопожатье вождя. Огни и амфир столицы. Портреты и речи в газетах. Ордена».³²

К концу 1930-х гг. даже у правоверных коммунистов начинают вызывать критику размеры культа почитания Сталина как главного героя СССР. Уже упоминавшийся выше А. Г. Соловьев так оценил присвоение Сталину звания Героя Социалистического труда в декабре 1939 г.: «В передовой “Правды” отмечается, что имени Сталина нет более близкого для нас, его современников. Оно стало для трудящихся земного шара символом действующей свободы и счастья. Неужели выше и дороже Ленина? Неладно. Неужели мы, многомиллионная масса партийцев, ничего не стоим?»³³

Визуальная репрезентация героев и ритуалы чествований

Репрезентация героев, а также ритуалы чествований их геройских свершений внесли новые

краски в жизнь Страны Советов. Важную роль в генезисе советского героизма 1930-х гг. сыграло стремление сталинского режима представить советскую действительность радостной и праздничной. 18-летний юноша Н. Ф. Терентьев присутствовал в июне 1937 г. на аэродроме в Ижме, где совершил посадку экипаж самолета во главе с легендарным полярным летчиком Ф. Б. Фарином. В своем дневнике Терентьев оставил описание летчиков в духе покорителей Севера Джека Лондона: «Я видел сильные, волевые лица у членов экспедиции... Сильные люди всегда просты. Скромны. Сильные всегда — добры».³⁴ Такой типаж героя мог очаровать не только восторженных советских подростков. Американский посол Дж. Дэвис записал в своем дневнике, какое мощное впечатление на него произвели летчики — Герои Советского Союза: «Великолепное появление этих людей — сильных, здоровых, с красивыми лицами — ошеломило. Форма сидела и сверкали разные знаки различия и награды, в числе которых были “Орден Ленина” и другие».³⁵ Всем своим видом советские герои говорили рядовым гражданам о том, что вождь не солгал, что жить действительно стало «лучше и веселее».

Герои труда — стахановцы также демонстрировали особый внешний вид, а именно вид современных, хорошо зарабатывающих людей. 20 сентября 1939 г. М. М. Пришвин сделал любопытную запись в дневнике: «Покупка часов: весь день бегал и ни одних часов во всей Москве не нашел (раскупили стахановцы, — любят часы)».³⁶ Студента МИФЛИ В. Н. Квашина поразили внешний вид стахановской молодежи, с которой студенты столкнулись в сентябре 1938 г. на балу во Дворце культуры автозавода им. Сталина: «Такая характерная черта: рабочая молодежь очень красиво одета, а студенты ходят как бурсаки». Внешним видом репрезентация стахановцев не ограничивалась. Заводская рабочая молодежь, как писал Квашин, «пыхнула... здоровьем, простотой и спаянностью».³⁷

Важнейшую роль в формировании героического мифа и репрезентации героев играла сама процедура чествования и награждения.

³⁰ «Иосиф бесконечно добр...»: дневник Марии Анисимовны Сванидзе, родственницы И. В. Сталина / публ. и комм. Ю. Муриной // Источник. 1993. № 1. С. 4–34. Запись от 20 ноября 1936 г.

³¹ «Служить Родине приходится костями...»: дневник Н. В. Устрялова, 1935–1937 гг. // Источник. 1998. № 5–6. С. 3–100. Запись от 16 ноября 1935 г.

³² Там же. Запись от 4 декабря 1935 г.

³³ Соловьев А. Г. Тетради красного профессора... С. 184. Запись от 21 декабря 1939 г.

³⁴ Дневник Н. Ф. Терентьева. URL: <https://prozhito.org/note/456108> (дата обращения: 09.04.2020). Запись от 8 июня 1937 г.

³⁵ Цит. по: Небезин В. А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930–1940-х гг. М., 2011. С. 244.

³⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. СПб., 2010. С. 426.

³⁷ Дневники В. Н. Квашина. URL: <https://prozhito.org/note/656307> (дата обращения: 04.04.2020). Запись от 6 сентября 1938 г.

Подавляющее большинство награждений осуществлялось в 1930-е гг. в сакральном сосредоточении власти — в Московском Кремле. М. И. Алигер оставила впечатляющее описание массового награждения, состоявшегося 5 февраля 1939 г., когда одновременно были награждены несколько групп военных, трудящихся и интеллигенции. Уже с порога ее поразили контраст простоты и величия: «Какая деловая, рабочая простота. Проходят люди, которые работают здесь, для которых это будни... Простые венские стулья, бутерброды и вода на столе».³⁸ Ордена под светом огромных юпитеров вручал Калинин: «Он — чудесный, небольшого роста, с лунной бородкой, под пиджаком голубой вязаный жилет на коричневых пуговичках». И вновь дуальную пару «чудесности» составила простота, которую Алигер подает через описание скромной одежды награждаемых рабочих. Эта картина катарсиса не могла быть полной без главного героя Советского Союза, и Алигер рисует его в своем воображении: «И все время кажется, что где-то очень близко, совсем рядом, может быть за этой стеной, на каком-нибудь совещании или один за рабочим столом сидит Сталин».³⁹

Идентичность сталинских героев

Сторонние наблюдатели много размышляли в 1930-е гг. о феномене советского героизма, в первую очередь их интересовало внутреннее, духовное содержание сталинских героев. Наиболее остро этот вопрос занимал Пришвина, который пришел к выводу об утрате героями 1930-х гг. своей индивидуальности в пользу общественной идентичности. Так, 9 октября 1933 г. Пришвин писал: «Этот современный “герой” вроде летчика Водошнянова: сам по себе он ничто, но его посылают лететь, и он героически расшибается и обращается в ничто. При неразвитии своем и молодости в нем нет личности, а значит, и никакой собственности, он весь в потенции, в готовности действовать».⁴⁰ В стахановцах, которые сначала привлекли Пришвина своим «американиз-

мом» и «ударом по уравниловке», он также достаточно быстро разглядел «личность предусмотренную и как бы дозволенную» государством.⁴¹ Таким образом, общий тип советского героя 1930-х гг., по мнению Пришвина, представляли собой обезличенные «механизированные герои и орденоносные личности» с душой, затянутой в «коричневой коже», которые «за кожей и шумом пропеллеров» ничего не видят и не слышат — «ни детей, ни цветов, ни музыки».⁴²

Пришвину вторил писатель А. А. Бек, который близко познакомился с типажом нового советского героя труда в лице 25-летнего паровозного машиниста П. Ф. Кривоноса. 19 октября 1935 г. А. Бек записал в своем дневнике: «Человек, с которым и о котором я беседую, Кривонос, получил орден за то, что быстро ездил на паровозе. Это большое дело: ускоренный, форсированный темп. Кривоноса заметили, подняли, чтобы его пример стал достоянием всех. И теперь я выискиваю в нем оригинальный характер, сильную страсть, большую мысль, богатую душу. Но пока не отыскал... Это новый для меня тип, — возможно, новый и для всей нашей действительности».⁴³

Эго-документы 1930-х гг. свидетельствуют, что общество весьма неоднозначно воспринимало процессы героизации советской повседневности и возникновение целой плеяды сталинских героев. Та часть общества, которая сделала свой выбор в пользу активного приспособления к сталинской системе, искренне стремилась идентифицировать себя с советскими ценностями. Именно «истинно верующие» были главными претендентами на героические роли в годы коллективизации и индустриализации в СССР. С другой стороны, существовала критически настроенная группа современников, которые разглядели в политике создания героев эффективные стратегии и практики манипуляции обществом, мощный рычаг социальной дифференциации и иерархизации, а также инструмент выработки специфической советской коллективной идентичности.

Andrey I. Savin

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: a_savin_2004@mail.ru

³⁸ Громова Н. А. Узел. Поэты: Дружбы и разрывы... С. 578. Запись от 5 февраля 1939 г.

³⁹ Там же. С. 581. Запись от 5 февраля 1939 г.

⁴⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. СПб., 2009. С. 309.

⁴¹ Он же. Дневники. 1936–1937. СПб., 2010. С. 697. Запись от 29 июля 1937 г.

⁴² Он же. Дневники. 1938–1939 ... С. 685. Запись от 19 июля 1938 г.

⁴³ Бек А. А. Почтовая проза. Собр. соч.: в 4 т. М., 1993 Т. 4. С. 478. Запись от 19 октября 1935 г.

STALIN'S HEROES IN THE REFLECTION OF THE 1930s EGO-DOCUMENTS

The article analyzes the potential of ego-documents of 1930s in researching the heroization of soviet daily life and the creation of Stalin's heroes pantheon. In this context the hero is an institutional hero who received his status as a result of a state awarding act. Basing on the diaries and "letters to authorities" the article reconstructs self-perception of soviet "heroic" elites, as well as their perception by the contemporaries. The article finds, that ego-documents are a unique source of information, which makes it possible to research deeply such problems of soviet heroism as specific identity of Stalin's heroes, mechanisms of creation of elitist soviet groups and personality cults of individual heroes, society hierarchization and reproduction of social inequality as a result of "order holders" affinity to authorities. Besides, ego-documents allow more authentic characterizing of the practices of public representation and glorification of Stalin's heroes. In conclusion, the article states, that soviet society perceived processes of daily life heroization and the emergence of a plethora of Stalin's heroes very ambiguously. The part of the society that chose to adapt actively to Stalin's system demonstrated its delight with the idea of soviet heroism. In turn, skeptical contemporaries managed to see the policy of "making heroes" for what it was: effective strategies and practices aimed at manipulating the society, a powerful tool of social differentiation and hierarchization and a way to build-up specific soviet collective identity.

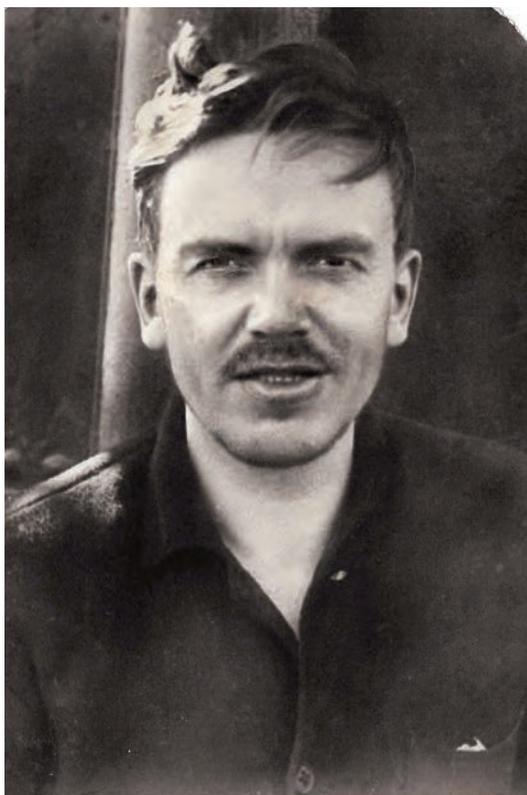
Keywords: *heroes, heroism, USSR, perception, identity, ego-documents, diaries*

REFERENCES

- Brandenberger D. *Krizis stalinskogo agitpropa. Propaganda, politprosveshcheniye i terror v SSSR, 1927–1941* [Propaganda state in crisis soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. (in Russ.).
- Günther H. *Der sozialistische Übermensch. M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos*. Stuttgart: Weimar, 1993. (in German).
- Kelly K. *Tovarishch Pavlik. Vzlet i padeniye sovetskogo mal'chika-geroya* [Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero]. Moscow: NLO Publ., 2009. (in Russ.).
- Münkler H. Heroische und postheroische Gesellschaften. *Mercur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken*, 2007, Bd. 61, H. 8/9, ss. 742–752. (in German).
- Nevezhin V. A. *Zastol'ya Iosifa Stalina. Kniga pervaya. Bol'shiye kremlevskiye priyemy 1930-kh – 1940-kh gg.* [The Dinner Parties of Joseph Stalin. Book one. Major Kremlin Receptions of the 1930s and 1940s,]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2011. (in Russ.).
- Nikonova O. Yu. [Komsomol, GTO and military-patriotic education of youth in the late 1920s–1930s (on the example of the Ural region)]. *Rossiyskaya molodezh': ot komsomola k sovremennym formam politicheskoy organizatsii. Materialy mezhhregional'noy nauch.-prakt. konf.* [Russian youth: from the Komsomol to modern forms of political organization. Materials of the interregional sci.-pract. conf.]. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2018, pp. 55–64. (in Russ.).
- Nikonova O. Yu. *Vospitaniye patriotov: Osoaviakhim i voyennaya podgotovka naseleniya Urala v 1930-ye gody* [Bringing up patriots: Osoaviakhim and military training of the population of the Urals in the 1930s]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2010. (in Russ.).
- Sartorti R. Helden des Sozialismus in der Sowjetunion. Zur Einführung. *Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR*. Berlin: Links, 2002, ss. 35–44. (in German).
- Sartorti R. *Pressefotografie und Industrialisierung in der Sowjetunion: Die Pravda 1925–1933*. Berlin: O. Harrassowitz, 1981. (in German).
- Savin A. I. ["We need orders and distinctions...". The role of decorations in the formation of Soviet identity]. *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2015, no. 5, pp. 28–37. (in Russ.).
- Savin A. I. [Letters to authorities as specific form of soviet citizens' political adaptation in 1930s]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2016, vol. 15, iss. 8, pp. 133–145. (in Russ.).
- Savin A. I., Teplyakov A. G., Junge M. ["Letters to authorities" as an integral part of the materials of trials over "violators of socialist legality" (1939–1941)]. *Ekho Bol'shogo terrora: sbornik dokumentov: v 3 t.* [Echo of the Great Terror: collection of documents: in 3 vols.]. Moscow: Probel-2000 Publ., 2018, vol. 3, pp. 7–28. (in Russ.).

Плакат. Художник Р. Рабинович. 1934 г.
(Из личной коллекции А. И. Савина)

Герои Арктики.
Радиот Э. Нренкель.

167716

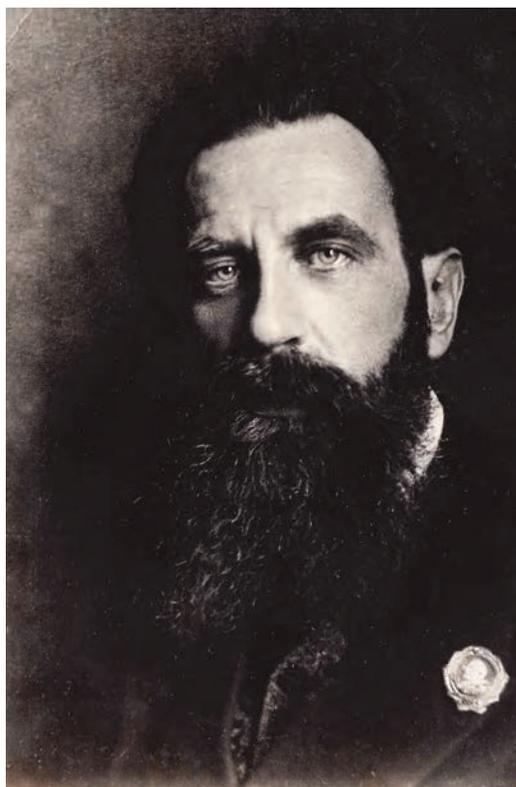

Герой Советского Союза М. П. Слепнев
— летчик —

Герой Советского Союза.
Летчик С. Лебаневский.

169422

Герои Арктики
Вед. О. Ю. ШМИДТ Начальник экспедиции на Человоскене. № 2060

Открытки с фотографиями Героев Советского Союза и Героев Арктики.
Год выпуска 1934. Цена 30 коп. Общий тираж 35.000 экз.